

НИЗВЕРЖЕНИЕ ТИТАНОВ: 1937-Й В ЛЕГЕНДАХ И МИФАХ

1937 год закрепился в массовом сознании как период широкого размаха печально знаменитых сталинских репрессий. Нужно заметить, что сама эта цифра – 1937 – до сих пор у многих людей ассоциируется с чем-то ужасным, а именно: с разгулом тоталитаризма, торжеством несправедливости, произволом государственной системы, культом личности Сталина и окончательной победой тупой силы над здравым смыслом. Даже главный советский (антисоветский?) панк Егор Летов орал в микрофон: «Здравствуй, новый тридцать седьмой!», пугая сторонников перестройки и «социализма с человеческим лицом» скорыми репрессиями и отправкой в очередной «гулаг». Перестроечные газеты взахлёб печатали откровения бывших узников сталинского ГУЛАГа, рассказы «ЧСИРов» (членов семьи изменника родине) о своих репрессированных родственниках, псевдостатистические данные о количествах расстрелянных и погибших в лагерях. О последних можно упомянуть особо: создавалось такое впечатление, что очередной автор пытался затмить авторов предыдущих публикаций подобного рода. Они как будто соревновались в том, кто выдаст на-гора максимальную цифру. Для сгущения красок и остротки историкам и статистикам не жалко было прибавить лишний десяток миллионов. Поражает разброс данных о жертвах сталинского режима – от 700 тысяч до 66 миллионов погибших. Причём у особенно ретивых авторов в общий зачёт шли все – „і мертві, і живі, і ненароджені”. Эти цифры шокировали добропорядочных советских граждан; под напором подобных откровений любые доводы противоположной стороны были обречены на провал. Под влиянием общей государственной установки на критику сталинского режима хорошим тоном считалось принимать на веру любые, даже самые фантастические сведения о многочисленных жертвах кровавого тоталитаризма.

Однако следует заметить, что 1937-й год приобрёл свою печальную славу благодаря тому, что в этот период было арестовано наибольшее количество видных партийных, государственных и военных функционеров. Врагами народа массово объявляли вчерашних вождей революции и героев гражданской войны. Кроме того, в тот год в жернова НКВД попали многие известные представители творческой интеллигенции. Именно засилье громких имён в делах об измене родине и придало 37-му трагическую нарицательность, сделав его символом и олицетворением ужасов сталинской тоталитарной машины. По прошествии 70 лет мы имеем дело не столько с документальными свидетельствами, сколько с так называемым «мифом 37-го». Этот миф складывается из многочисленных историй, апокрифов, баек и анекдотов. Надуманность большей части из них видна невооружённым глазом, но некоторые, несмотря на гротескность и гиперболизированность, несут отпечаток подлинных событий тех времён. Ведь за любой легендой, пусть даже самой невероятной, всегда стоит правдивая история.

Групповой портрет эпохи

Фельетонист газеты «Правда» Г. Рыклин рассказывал:

В начале 30-х годов состоялась встреча советских журналистов со Сталиным и другими руководителями партии и правительства. Я был на этой встрече. В конце её мы коллективно сфотографировались. На фото я стоял рядом с вождём.

Шли годы и шли аресты. Хранить фото врагов народа было небезопасно. И я начал резать. Я брал в руки ножницы и отхватывал сначала по одному члену ЦК и руководителю на два-три журналиста. Потом репрессии стали более массовыми, и я отрезал больше людей на снимке. Вожди и журналисты постепенно исчезали с фото. В конце концов остались только Сталин и я. После XX съезда я отрезал Сталина и остался один.

Александр Москвитин. Низвержение титанов...

Страшный 1937-й год начался гораздо раньше, по крайней мере, лет за 10 до своего начала. Первыми жертвами сталинских чисток стали так называемые «буржуазные инженеры-вредители» - технические специалисты, которые получили образование ещё при царизме. Клеймо «враг народа» ещё не вошло в массовый обиход, пользовались более мягким определением – «вредитель» - из сельскохозяйственной терминологии. Буржуазные вредители были обнаружены во всех сферах жизни, науки, культуры, производства. Когда, казалось бы, все явные враждебные элементы были арестованы и приговорены (некоторые – к высшей мере наказания), и можно было вздохнуть спокойно и продолжать строить социалистическое государство, органы госбезопасности только вошли во вкус. Стало очевидно, что социалистическому строительству мешают не только старорежимные деятели, но и некоторые товарищи по партии. Например, товарищ Лев Троцкий (Бронштейн), создавший к концу 20-х годов реальную политическую оппозицию правящему режиму. Троцкого пришлось изгнать за пределы СССР, а его последователей – отправить в ГУЛАГ, на великие стройки социализма. Или вот товарищи Г. Зиновьев и Л. Каменев – то примыкавшие к Троцкому, то пресмыкавшиеся перед Сталиным. Их обвинили в измене Родине, заговорах против власти, судили показательным судом и в итоге расстреляли. Затем наступил черёд таких товарищей, как Н. Бухарин – «любимчик партии» по определению Ленина; А. Рыкова – бывшего главы Советского правительства; М. Тухачевского и В. Блюхера – «военачальников, снюхавшихся с японо-немецкой полицейской охранкой»...

Но ведь это только сливки: все эти товарищи тянули за собой десятки людей калибром поменьше и званием пониже, которые, в свою очередь, обростали тысячами жертв не на шутку разошедшихся «органов». Сами «органы» тоже пострадали: руководитель чисток 1934-36 гг. Г. Ягода попал под пролетарскую секиру в 1937-м; его последователь Н. Ежов был расстрелян в 1940-м; сменивший Ежова Л. Берия (со своими коллегами

Меркуловым и Абакумовым) были уничтожены в 1953 году после смерти Сталина.

В общем, досталось всем. Точнее, не всем, но многим. Некоторые товарищи, умевшие проходить между капельками и в самый сильный дождь оставаться сухими, выжили. И основной причиной их живучести следует назвать отсутствие властных амбиций, а не подхалимаж в адрес Сталина. Бухарин с Зиновьевым подхалимничали не меньше Микояна с Хрущевым. Однако Микоян знал своё место, сидел и не высовывался: редактировал «Книгу о вкусной и здоровой пище» и поил пролетариев ячменным кофе. А функционеры подобные Зиновьеву отчаянно претендовали на верховную власть, завидуя положению «кремлёвского горца». Но, по выражению Ленина, «страшно далеки они были от народа». Вот народ не принял и отринул их от себя.

«Знакомство в камере»

Посадили в камеру трёх человек. Они знакомятся, спрашивая друг друга: за что сидишь?

- Я за то, что ругал видного партийного деятеля Радека.

- А я за то, что поддерживал Радека.

- А я – Радек.

Авторство этого анекдота приписывают самому Карлу Радеку. Этот партийный функционер из высшего эшелона власти никогда не скупился на остроты и рискованные шутки. Видимо, расплатой за такую живость ума послужило граничащее с абсурдом обвинительное заключение. Радека в нём называли руководителем троцкистского центра, изменником родины, диверсантом, вредителем, шпионом, террористом и пособником фашизма одновременно. В самый разгар ежовщины 1937 года Радек был приговорён к 10 годам заключения. Можно сказать, что ему, в отличие от его так называемых подельников, повезло – практически все они были приговорены

к смертной казни. Впрочем, сам Радек недолго наслаждался жизнью – в конце 30-х пропал без вести в лагерях.

История Радека вполне типична для представителей партийной верхушки тех лет. Высокое положение и причастность к власти абсолютно не гарантировали их от 58 статьи УК СССР (измена Родине). Каждый из них, даже доблестные герои, Маршалы Советского Союза М. Тухачевский и В. Блюхер, ходили под чекистской пулей. Даже заслуги перед революцией и социалистическим государством полностью нивелировались перед лицом репрессивной машины. Арест, допросы, обвинение и приговор несомненно стали неожиданностью для А. Рыкова и П. Постышева, А. Косарева и В. Антонова-Овсеенко, Б. Куна и Х. Раковского.

Некоторые партработники, впрочем, не полагались на предполагаемую неприкосновенность. Наверное, хорошо развитая интуиция и способность сопоставлять факты и приходиться к определённым выводам, подсказывали им, что арестов не избежит никто. Эти люди – Я. Гамарник, Г. Орджоникидзе, М. Томский – воспользовались шансом закончить игру на своих условиях. Единственным способом избежать ареста и заключения стало для них самоубийство.

«Заявление»

*Товарищу Сталину (лично)
от врага народа Рабиновича,
проживающего на Лубянке.*

Заявление

Прошу расстрелять меня по собственному желанию.

Рабинович.

В тюремной камере у многих партийцев появилась возможность наконец-то письменно покаяться во всех приписываемых им чёрных делах. Канцелярию Верховного Совета забрасывали покаянными письмами, в которых заключенные молили советский народ о прощении и помиловании.

Александр Москвитин. Низвержение титанов...

«Прошу Президиум Верховного Совета о помиловании. Я глубоко виновен перед социалистической родиной, и преступления мои безмерны. Я сознаю всю их глубину и весь их позор... Я стою на коленях перед родиной, партией, народом и его правительством... Я считаю приговор суда справедливым возмездием за совершённые мною тягчайшие преступления против социалистической родины... У меня в душе нет ни единого слова протеста. За мои преступления меня нужно было бы расстрелять десять раз... Но я считаю, что в случае помилования могу оказаться полезным стране», - так писал прошение о помиловании Н. Бухарин, бывший член Политбюро, бывший редактор «Известий», осуждённый за измену и шпионаж. Эта отчаянная попытка воззвания к бывшим друзьям и соратникам была его последней надеждой.

Однако известно и другое его письмо, созданное в тот же период. Оно было адресовано «будущему поколению руководителей партии» и обнародовано было после окончательной реабилитации Бухарина в 1988 году. «Ухожу из жизни. Опускаю голову не перед пролетарской секирой, должной быть беспощадной, но и целомудренной. Чувствую свою беспомощность перед адской машиной, которая, пользуясь, вероятно, методами средневековья, обладает исполинской силой, фабрикует организованную клевету, действует смело и уверенно... Никогда я не был предателем, за жизнь Ленина без колебаний заплатил бы собственной. Любил Кирова, ничего не затевал против Сталина...». Спорным остаётся вопрос, в котором из документов Бухарин писал правду. Наверное, историкам ещё придётся поломать над этим головы. Тем не менее, даже униженно-покаянный тон письма к Верховному Совету не спас Бухарина от расстрела. На бумаге он был готов умереть десять раз, но хватило и одного раза.

«Родство душ»

Театральный критик Мацкин рассказывал:

Александр Москвитин. Низвержение титанов...

- Сталин смотрел постановку «Отелло». Главную роль исполнял Остужев. После спектакля руководство театра попыталось узнать мнение вождя об этой работе. Сталин долго молчал, потом сказал: «А этот, как его там, Яго – неплохой организатор».

Пока в ЦК одна за другой летели головы и вчерашние соратники и друзья свидетельствовали друга против друга на показательных процессах, простой народ тоже был активно вовлечён в репрессивный круговорот. Беспрецедентное доверие к любого рода доносам (реакцией на практически любой донос был немедленный арест) породило ужасное по своей природе и форме интриганство. Сигналом в соответствующие органы расправлялись с личными врагами, соседями по коммуналке, любовниками супругов, негодными начальниками и подчинёнными. В каждом коллективе рабочих и служащих, в каждой студенческой группе был свой, чуть ли не официально признанный, стукач. Нередкий случай той эпохи: в компании довольно близких знакомых человек мог рассказать смелый политический анекдот. После расставания и заверения в искренней дружбе и преданности, рассказчик тут же бежал в соответствующие органы раскаиваться в столь необдуманном поступке, а заодно и превентивно донести на всех знакомых, обвинив их в недостаточной бдительности по отношению к распространению опасных анекдотов. И очень часто случалось так, что человек мог застать в кабинете у следователя всю компанию своих знакомых, дружно дающую показания против него.

Хуже всех, однако, приходилось семьям арестованных и «врагов народа». Перед ними был тяжкий выбор – или отречься от непутёвого родственника, сменить фамилию и постараться сохранить шаткое существование, или не отречься, но вкусить всех прелестей своего положения – увольнения с работы, обструкции со стороны окружающих, а возможно, и преследования в судебном порядке.

О поэтах

Сталин: Если бы товарищ Пушкин жил в России не в XIX, а в XX веке, он всё равно бы умер в 37-м году.

1937-й ассоциируется не только и не сколько с именами партийных функционеров, столько с теми представителями советской творческой интеллигенции, которым не довелось пережить этот год. Вообще, 1930-е стали для советских писателей своего рода экзаменом на гражданскую зрелость. Граждански созревших сочинителей не трогали, поскольку они всячески воспевали не только советскую власть и лично товарища Сталина, но и доносили на своих не слишком бдительных коллег и собутыльников. И ведь делали они это, в большинстве своём, не со зла, а наоборот – пытались помочь оступившемуся товарищу. Граждански созревшие писатели смогли уцелеть в 30-х, но 40-е и 50-е голы их изрядно потрепали. Кто-то умер от слишком нервной обстановки, кто-то был ошельмован соратниками. Но в целом официальные советские писатели являли собой дружный и слаженный коллектив придворных шутов, чьи произведения нынче без скуки читать невозможно.

Тех же, кто не совсем созрел и не сумел стать достойным гражданином страны Советов, приходилось одёргивать и наставлять на путь истинный.

Впавших в детство обэриутов карательные органы арестовывали поодиночке, и наивные до невозможности Д. Хармс и А. Введенский бесследно сгинули: первый – в СИЗО, второй – в лагере. Н. Заболоцкому повезло выжить в ГУЛАГе, вернуться на свободу и благополучно дожить до периода «реабилитанса». Писатели Б. Пильняк, М. Кольцов, И. Бабель прошли все круги чекистского ада и были приговорены к смертной казни как «активные участники антисоветской организации среди писателей».

На каждого арестованного служителя муз, как правило, приходился свой Сальери. Совершенно безобидному, но не в меру талантливому и любопытному одесситу Бабелю путёвку в лубянские казематы организовал

собрат по перу, средний прозаик Лев Никулин. Долго ещё полушёпотом, из уст в уста передавалась едкая эпиграмма:

«Каин, где Авель?

Никулин, где Бабель?»

Показательным также является случай поэта О. Мандельштама. Его знаменитое антисталинское стихотворение «о толстых и жирных пальцах кремлёвского горца» наверняка не понравилось вождю. Самое интересное, что Сталин и не подумал стирать в лагерную пыль «зарвавшегося бумагомараку». Дабы оправдать себя в глазах Иосифа Виссарионовича и отсрочить нависающий приговор, Мандельштам в 37-м году пишет оду Сталину. Но, видимо, вождю пришлись не по душе гражданские метания Осипа Эмильевича, за что последний поплатился, умерев в лагере от истощения. Вот если бы Мандельштам был последователен до конца и убедил Кремль в своей гражданской зрелости, возможно, его имя было бы в списках лауреатов Сталинской премии.

Бывший узник сталинских лагерей и популяризатор термина «ГУЛАГ» А. Солженицын писал: «Когда теперь бранят *произвол культа*, то упираются всё снова и снова в настрявшие 37-38-й годы. И так это начинает запоминаться, как будто ни *до* не сажали, ни *после*, а только вот в 37-38-м. не боюсь, однако, ошибиться, сказав: *поток* 37-38-го ни единственным не был, ни даже главным...».

Конец 1930-х годов стал пиком борьбы Сталина против номенклатуры. Точнее даже, против зарождающейся тенденции к формированию мафиозно-клановых номенклатурных (или как тогда говорили – артельных) объединений. Сталин осознавал, какую опасность для государства несёт этот неизбежный процесс и наводил порядок методами, проверенными ещё в средневековье. С помощью своих верных вассалов Ягоды, Ежова и Берии, Иосиф Виссарионович ставил на место зарвавшихся партийных баронов, не

Александр Москвитин. Низвержение титанов...

давая им набрать силу, достаточную для его свержения. На какой-то период ему это удалось, но уставшая от крови и живущая в вечном страхе ареста номенклатура в конце концов переиграла Сталина. Правда, случилось это уже в 50-х годах, после смерти «отца народов».

Как писал Е. Гайдар, «... номенклатура, навсегда сохранившая страх перед кровавой купелью своего рождения, постаралась обезопасить себя от возможности новых «незаконных репрессий». Именно этим страхом был продиктован доклад Хрущёва на XX съезде... С этой «хартии вольностей» номенклатурных баронов началось формирование стабильного общества».

Истории взяты из книги Ю. Борева «Сталиниада».

Александр Москвитин